

ных. Оказывается (с их точки зрения), того же хотели и во Франции. Английские авторы полагали, что эти три вождельных предмета зависели от прихоти тиранов — Бурбонов. Французы же с этим не соглашались и разоблачали насмешки англичан, считая их пародией на свою конституцию.

На самом высоком уровне политические мыслители, в том числе Гоббс, могут ввести нас в заблуждение, если мы примем их в качестве основных авторитетов в вопросах действовавших тогда конституций и даже в теории абсолютной власти — такой, как ее понимали современники. Как заметил Скиннер, величайшие произведения часто хуже всего отражают политическую мысль эпохи.¹ Иная картина возникает, если последовать совету Мунье и прислушаться к высказываниям тех, кто был причастен к управлению: к запискам министров, к проповедям епископов, к государственным декларациям. Тогда станет ясно, что мнения французов и англичан по основным вопросам совпадали.

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА

В Средние века не существовало понятия «государство», по крайней мере в современном теоретическом значении. Термин «государство» обозначает уникальную общность, которая обладает суверенитетом, то есть высшей законодательной властью. Государство объединяет волю отдельных индивидов и интересы сообщества в действиях центральной власти, которая управляет жизнью коллектива. Словосочетание «*res publica*» в Древнем Риме означало именно «общественные дела». За столетия, последовавшие за падением Рима, эта концепция потеряла свою определенность, так как произошел возврат к тому, что, в сущности, было племенным обществом. В Средние века более крупные образования возникают вновь, но если в эту эпоху и существовало какое-то «государство», то им было *Christianitas* («христианская вселенная»), теоретически управляемое императором Священной Римской империи и папой. Они были единственными государями, имевшими законное право говорить о своей верховной власти.

Но даже эти властители управляли вовсе не суверенными государствами, поскольку средневековые понятия о законотворчестве отличались от современных. Для нас это слово означает реализацию сознательной воли законодателя, будь то сообщество в целом или один правитель. Так же считали и римляне. Но в Средние века закон означал установление, или обы-

---

¹ Burns J. H. 1990. The Idea of Absolutism // Miller J. (ed.) *Absolutism in Seventeenth-Century Europe*. Macmillan. P. 37–42; Skinner Q. 1978. *The Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge University Press. Vol. 1. P. x-xi.

чай, и законодательство больше напоминало компиляцию или кодификацию уже существующего права. Законодательства средневековых государей — это подтвержденные ими обычаи. Их так называемое законотворчество часто представляло собой то, что мы отнесли бы к исполнительным и судебным функциям правительства. Они не проводили различий между исполнительной и судебной властью и законодательством, существенную часть которого составляли их ответы на судебные запросы подданных. Смещение правительственных функций сохранялось вплоть до XVIII столетия, хотя мысль Монтескье об их разделении на исполнительную, законодательную и судебную мешает это понять.

В то же время публичная власть носила рассредоточенный характер. В период варварских вторжений и переселений она переходила к доминировавшему в той или иной местности представителю знати. Феодалные узы связывали сеньора, вассала и серва взаимными обязательствами, а графы, маркизы и герцоги обладали королевскими прерогативами: могли командовать армиями, «издавать» законы и чеканить монету. Тема суверенитета не акцентировалась, поскольку власть перешла от короля к тем, кто фактически обладал ею. Феодалное общество было пирамидой, на вершине которой номинально все еще стоял монарх, однако реальная власть переместилась к ее основанию. Таким образом, с точки зрения короля, теория феодалных отношений была контрактной и неавтократичной.

Современные представления о государстве восходят непосредственно к возобновленному в Средние века изучению римского права. В конце XIV века особенно полезными оказались две идеи. Первая основывается на цитате из сочинения римского юриста Ульпиана, которая известна лишь по первой клаузуле: «*quod principi placuit legis habet vigorem*», и это может ввести нас в заблуждение. Целиком отрывок производит несколько иное впечатление: «То, что решил государь, имеет силу закона в той степени, в какой особым указом (*lex regia*), касающимся его правления, народ сообщил ему и возложил на него полноту управления и власти». Таким образом формировалось представление о том, что внутри сообщества — в народе или в персоне государя — заключена верховная воля, то есть сущность государства, а законотворчество в его креативном значении есть выражение государственной власти. Вторая идея вытекала из первой. Верховная власть внутри государства не должна подчиняться более высокой власти вне его. «*Imperium*», или верховная власть, был заимствован у императора Священной Римской империи и присвоен половиной королей Европы. В XVI столетии современная концепция государства уже сформировалась.¹

¹ D'Entrèves A. P. 1967. *The Notion of State*. Oxford University Press. P. 82–99.

ТЕОРИИ КОРОЛЕВСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Монархия была абсолютной по определению. В этом заключалась ее суть. «Монархия» — греческое слово, означающее «власть одного», а выражение «абсолютная власть» подразумевает, что один человек решает вопросы большой политики, не считаясь ни с чьим мнением; тавтологию «абсолютная монархия» не раз критиковали в раннее Новое время. Поскольку монархия сосредоточивает власть в руках одного человека и отрицает законность прав остальных людей осуществлять управление, она повсеместно признавалась наиболее эффективной формой правления. Монархии противопоставлялись законы республики, в которой исполнительная власть передавалась коллегии или ассамблее и, следовательно, сталкивалась с препятствиями и проволочками.

Абсолютная монархия не могла существовать до XIV века, так как теоретически правители европейских государств являлись подданными папы и императора. Но с XIV века они начали претендовать на *imperium*, или имперскую власть, делавшую их равными императору, который не подчинялся никому. Римское право стало источником цитат, в которых прославлялась королевская власть, а фраза «*rex in regno suo est imperator*» («король в своем королевстве есть император») была сделана лозунгом. Монархи стали носить «сводчатые» (*arched*) короны, символизировавшие верховную власть, противопоставленную власти нижестоящей. На протяжении двухсот лет английские короли изображались на монетах в открытой короне, пока на золотом соверене не появился Генрих VII в «сводчатом» головном уборе. И при Филиппе IV Французском, и при Генрихе VIII Английском мотив был одним и тем же. Король не зависел ни от какой высшей или равной власти, а его полномочия были абсолютны.

Одновременно монархи старались укрепить свое влияние в противовес феодальной власти земельной знати. Королевские теоретики утверждали, что корона обладает монополией издавать законы, вершить правосудие, вести войны и облагать подданных налогами: сохранные сеньориальные права носили не самостоятельный характер, а делегировались короной. Феодальные отношения были контрактными. Поэтому широко известна присяга, которую приносили арагонские кортесы: «Мы, столь же достойные, как и ты, клянемся тебе, равному нам, признавать тебя нашим королем и верховным правителем при условии, что ты будешь соблюдать все наши свободы и законы, а если не будешь — то не будешь и королем».

Начиная с XVI века королевские теоретики ставят под сомнение феодальное право на восстание. Во Франции Дюмулен в своих «Комментариях» (1539) подчеркивал, что требования короля абсолютны и что теоретически никто не может разделять с ним монополию на суверенитет, или им-

периум. Он обличал феодальную пирамиду, основанную на независимой власти и взаимных правах и обязательствах.¹ В это же время Франциск I предпринял наступление на дворян, которые увеличивали налоги, издавали законы, объявляли войну, поднимали восстания. К 1500 году Англия, Франция и Испания оправились от последствий гражданских войн, развязанных могущественными подданными. Абсолютная власть короны воспринималась как освободительная, а не как подавляющая сила. Она была предпочтительнее тирании местных магнатов. Советник испанского короля отмечал, что люди «желали отказаться от власти сеньора и отдаться свободе короля».²

Многие историки неверно определяют цель теории абсолютной власти.³ Она была направлена против внешней и внутренней опасности, угрожавшей королевским полномочиям. Она не была частью заговора с целью поработить народ. Это становится ясным после одного простого сопоставления. Первые упоминания об абсолютной власти неотделимы от акцентирования прав подданных и представительных институтов. В Испании Фердинанда и Изабеллы власть короны признавалась абсолютной с XIV столетия. И хотя только корона имела право издавать законы, монарх делал это в присутствии и с одобрения представительства кортесов. При том что королевская власть объявлялась абсолютной, король не мог облагать подданных налогом без их согласия. Паласиос Рубиос (*Palacios Rubios*), юрист начала XVI века, писал, что королю «вручено только управление страной, а не власть над собственностью». Власть короны была абсолютной, но король тем не менее находился в сфере действия закона и мог привлекаться к суду. Она была абсолютной, но должна была уважать основные законы страны, например, запрет отчуждать свои владения. Будучи абсолютной, она допускала открытое проведение политических дискуссий. Один историк, живший в описываемую эпоху, отмечал, что Испания и ее правители лишились бы доверия подданных, если бы они запретили людям высказываться свободно.⁴ Испания не была исключением. Монархи Франции назывались «абсолютными» в эпоху, когда Генеральные штаты созывались с удивительной регулярностью.

Тогда в каком же смысле власть французских и испанских королей считалась абсолютной? Она, безусловно, не угрожала правам подданных или представительным органам, которые эти права оберегали. Абсолютная

¹ Skinner Q. 1978. Vol. 2. P. 263–264.

² Koenigsberger H. G., Mosse G. L. and Bowler G. Q. 1989. *Europe in the Sixteenth Century*. Longman. P. 276.

³ Hartung F. and Mousnier R. 1955. Quelques problemes concernant la monarchie absolue // *Relazioni*, 4. P. 14–15.

⁴ Kamen H. 1983. *Spain 1469–1714*. Longman. P. 14, 32, 147–151.

власть была защитным механизмом, который делал монарха независимым от церкви и знати. Чем больше прав государи старались закрепить за собой, чтобы создать противовес этим своим конкурентам, тем четче они определяли права подданных. Пока королевские полномочия были ограничены какой-либо внешней властью, гарантии свободы подданных четко не оговаривались. Когда королевская власть стала суверенной, гарантии прав были определены, а парламенты и сословные представительства возникали в Европе как грибы после дождя. Республиканские ценности — свобода, самоуправление и господство закона — прекрасно сохранялись в условиях монархии, так как существовали корпоративные организации, обязанные представлять права подданных. Король проявлял не альтруизм, а заинтересованность, которая и была его основным мотивом. По мере того как авторитет короны возрастал, препятствие, которое представляли собой права подданных, можно было устранять с их согласия, то есть на законных основаниях. Таков был один из путей, которым сословные представительства способствовали усилению монархии, а не ее ослаблению. С ними государь торговался о налогах, договаривался об изменениях в законодательстве. В свою очередь, представительства были готовы защищать его новые права от старых противников. Начиная с Буржской прагматической санкции Карла VII и заканчивая Актом о супрематии Генриха VIII, корпоративные и представительные органы были самой твердой опорой абсолютной власти.

Власти абсолютной — но не деспотической. Иногда государи действительно наступали на права своего народа, после чего подданные с негодованием называли их деспотами. До конца XVIII века, когда группа «просвещенных» интеллектуалов обнаружила неиспользованные возможности данной концепции, слово «деспот» оставалось ругательством. Этот факт трудно заметить, поскольку общепринятым является мнение, что государи XVIII столетия будто бы награждались титулом «просвещенные деспоты». Однако монархи раннего Нового времени отнюдь не желали бы заслужить такую характеристику.

БОДЕН И ТЕОРИЯ АБСОЛЮТИЗМА?

В 1570-х годах в сочинении «Шесть книг о республике» Боден начал активно использовать слово «суверенитет», определив это понятие как абсолютную и необоримую власть. Для его галльской логики была неприемлема ситуация, при которой решения верховной власти могли оспариваться. Боден считается мыслителем, обозначившим переломный момент в развитии теории «абсолютизма». Ему приписывают развенчание средневековой концепции «смешанной» конституции и ее замену на теорию «абсолютизма». В основе первой находилось представление о власти, разделенной между

подданными и королем и об их взаимных обязательствах, в основе второй — представление о власти монополизированной и о королевской автократии. Осознание того, что закон может быть предписан законодателем, а не только сохранен в обычае, было, безусловно, связано с развитием «абсолютистских» тенденций. Исходил ли закон от народа или от короля? Мы знаем, что здесь возникал вопрос о фундаментальном принципе, о том, было ли правление конституционным или абсолютным.¹

Историки политических учений имели склонность заострять внимание на оригинальных деталях работы Бодена и пренебрегать содержащимися в ней противоречиями. Суверен творит закон: следовательно, он не обязан его исполнять (*legibus solutus*), поскольку верховная власть не может подчиняться сама себе. Но его власть не является произвольной и незаконной: это было бы противоречием в определении. Суверен подчиняется законам Бога и природы. Кроме того, он не может изменить основополагающие законы, составляющие конституцию страны, например, закон о престолонаследии. Наконец, он должен уважать имущественные права своих подданных и не смеет облагать их налогом без их согласия. Таким способом Боден показывает, что описанный им государь — не деспот.²

Мы не упомянули еще об одном ограничении. Боден наделяет своего суверена законодательной властью и подчеркивает: если она не подлежит разделению, значит, реализуется без чьего-либо одобрения. Большинство современных комментаторов приходят к заключению, которое звучит довольно зловеще: он говорит о законотворчестве в современном смысле слова. Однако если рассматривать отдельные элементы боденовской концепции королевской законодательной власти, то обнаружится, что эта власть формируется из королевских прерогатив, которые Боден защищает от опасности, исходящей со стороны знати. Кроме того, он желает опровергнуть мыслителей, которых принято называть монархологами, то есть цареубийцами, в том числе Отмана и Безу.³ Эти мрачные писатели сочинили жутковатый сценарий, согласно которому сословные ассамблеи занимались бы государственными делами, назначали министров, объявляли войну и заключали мир, устанавливали законы и низлагали бы дурных государей. Примечательно, что боденовское определение законотворчества включает в себя все те несомненные прерогативы королевской власти, которые монархологами делегировали штатам, как право назначать советников, объявлять войну, чеканить монету и так далее. Однако ему все же не удастся вы-

¹ Sabine G. H. 1963. *A History of Political Theory*. Harrap. P. 278.

² Burns J. H. 1990. P. 27–30.

³ Salmon J. H. 1987. *Renaissance and Revolt*. Cambridge University Press. P. 123–135.

делить то, что мы называли бы не зависимыми друг от друга законодательной, исполнительной и судебной функциями правительства. Современные черты в боденовском анализе суверенной власти мешают нам заметить его консерватизм: законотворчество он воспринимает так же, как это было принято в Средние века. По мнению Бодена и его последователей, Луазо и Лебрета, «законотворчество» было не более важным, чем те прерогативы, которые принадлежали короне на протяжении столетий.

Ошибочно рассматривать фигуру Бодена в контексте изменений, произошедших много лет спустя, и не воспринимать его как участника интеллектуальной атаки на феодализм. С этого времени, как утверждают некоторые историки, началось размежевание между теми, кто превыше всего ставил рассуждения об абсолютной власти короны, и теми, кто в конце концов принес ее в жертву правам народа. Такого противостояния не существовало. Если не принимать во внимание воззрения политических экстремистов, наиболее популярной была концепция сбалансированной конституции, сохранявшей гармонию между сувереном и подданными. В ней лучше всего проявлялись «соответствия», которые доставляли такое удовольствие любителям аналогий раннего Нового времени. Гармония в государстве (политическом организме) отражала гармонию в микрокосме (человеческом организме) и макрокосме (среди небесных тел и музыки сфер). Большинство политических режимов основывались на теории, отдававшей должное и верховной власти короны, и правам народа. Абсолютная и ограниченная («смешанная») власть не являлись альтернативой друг другу. Они представляли собой две стороны одной политической системы. Мысль о том, что они носили взаимоисключающий характер, определила направление исторических исследований XIX века (см. главу 9). В прерогативных вопросах королевская власть была абсолютной; в делах, касавшихся прав подданных, она была ограничена законом и в случае внесения изменений — необходимостью одобрения. Боден защищал абсолютную власть короля и сильные позиции сословного представительства: государь, уничтоживший представительство, опустится до варварской тирании и погубит страну. Подобный дуализм становится фундаментальной составляющей так называемых «абсолютистских» режимов и слишком часто недооценивается.

Некорректно было бы сказать, что идеи Бодена ведут прямым путем к абсолютизму. Салмон показал, что их использовали в самых различных целях. Боден так часто менял точку зрения и украшал свои главные тезисы таким количеством глосс, что выяснить его истинные намерения нелегко. Некоторые комментаторы совместили его концепцию суверенитета с божественным правом королей на власть и в итоге получили теорию монархии, близкую к деспотии. Другие использовали ее, чтобы обосновать супрематии парламентов. Ноллис, переведивший Бодена в 1606 году, превозносил

его теорию суверенитета за то, что она сравнивалась с английским Общим правом.¹ Акцентуация иных фрагментов сочинения порождала представление о том, что хотя теоретически высшая законодательная власть неделима и принадлежит государству, в процессе реальной организации управления она может делиться и распределяться различными способами. Следовательно, монарх может править с использованием аристократических и представительных элементов.² Именно эти непохожие друг на друга толкования Бодена перешли в следующее столетие. Наиболее известные из них принадлежат Луазо, Лебрету и Боссюэ и с точностью воспроизводят созданную Боденом концепцию равновесия между королевскими прерогативами и правами подданных.

ДВЕ СФЕРЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

И во Франции, и в Англии теоретики подчеркивали сосуществование, с одной стороны, власти абсолютной, и власти разделенной, или смешанной — с другой. Около 1470 года Фортескью характеризовал управление Англией как «*regimen politicum et regale*» — известный термин, который был неверно истолкован. Фортескью имел в виду не совместное управление. *Politicum* означало смешанное, а *regale* — королевское правление. Фортескью вовсе не хотел сказать, что король обладал одной властью, которую он делил с парламентом. Монарх обладал двумя видами власти: той, которую он делил с парламентом, и той, которая принадлежала только ему. *Rex in parlamento* принимал налоги и законы. *Rex solus* пользовался королевскими прерогативами. Это различие историки обычно игнорируют. Столетие спустя это равновесие властей восхвалял Джеймс Морис. Он противопоставлял «верховный суверенитет одного, абсолютного государя, великого в своей славе» и «подданных этого королевства ... которые благодаря тем ограничениям, которые накладывают законы и правосудие, наслаждаются жизнью, обладают землями, благами и свободами».

Историки зачастую скрывали этот дуализм. Один из знатоков идеологии свободы в Англии считает, что свобода — это явление, несовместимое с абсолютной властью, которую он, в свою очередь, приравнивает к деспотии.³ И все же абсолютная прерогатива и права подданных обычно не воспринимались как взаимоисключающие явления. Выступая в парламенте 1610 года, Томас Хэдли красочно описывал их взаимозависимость. Отмечая, что закон гарантирует королю его прерогативы, а подданным — их зем-

¹ Sharpe K. 1989. *Politics and Ideas in Early Stuart England*. Pinter. P. 16.

² Salmon J. H. 1987. P. 178; D'Entrives A. P. 1967. P. 118–121.

³ Dickinson H. T. 1979. *Liberty and Property*. Methuen. P. 44.

ли и имущество, он превозносил достоинства и прав и прерогативы: «Это королевство пользуется плодами и выгодами и абсолютной монархии, и свободного государства... Поэтому никто не склонен думать, что свобода и верховная власть несовместимы и сколько прибыло одной, столько убыло другой; скорее, они походят на близнецов, они согласны и едины, одна едва ли способна долго просуществовать без другой». Далее он поясняет причину этого. Подданные, спокойные за свою свободу и собственность, могут поддерживать могущественного короля, который, в свою очередь, «может постоять за себя без помощи соседних правителей или стран и, таким образом, быть абсолютным монархом ... способным защитить себя и своих подданных от сильнейших государей мира». ¹ Это же мнение повторил Свифт, характеризуя партию тори: «Они верят, что прерогативу суверена следует считать по меньшей мере священной и неприкосновенной, равно как и права его народа, хотя бы потому, что без должного разделения власти он не сумеет их защитить». ²

Похожие эмоции выражали и французы той эпохи. Через сорок лет после Бодена Луазо пишет по этому поводу: «Суверенитет — это форма, дающая жизнь государству, ... она состоит в абсолютной власти». И поспешно добавляет, что три типа законов ограничивают власть суверена. Это законы божественные, законы природы, а также основные законы государства, регулирующие порядок престолонаследия, управление королевским домом, а также гарантирующие жизнь, свободу и собственность людей. В середине того же столетия некий доктор Бернье радовался, что Бог не сделал французских монархов собственниками земель их подданных. Если бы они стремились к власти более абсолютной, чем то позволяют законы Бога и природы, они бы в скором времени оказались «королями пустыни и одиночества или же королями нищих и дикарей». Сходство очевидно. Для короны было бы недальновидно ущемлять право подданных на их собственность. Если учитывать более широкую перспективу, то, образно говоря, королевская власть убила бы курицу, несущую золотые яйца. Описанная точка зрения оставалась общепринятой и сто лет спустя, когда Моро утверждал: правление не может быть легитимным, если оно не охраняет свободу и собственность. «Собственность находилась под угрозой, когда наши короли переставали быть могущественными и абсолютными монархами; ... те, кто при феодальном режиме притеснял народ, были тиранами, распределявшими между собой осколки королевской власти; ... короне пришлось вернуть свои права, дабы рабство исчезло». ³

¹ Foster E. R. (ed.). 1966. *Proceedings in Parliament 1610*. New Heaven. P. 191, 195.

² Dickinson H. T. 1979. P. 44.

³ Echeverria D. 1985. *The Maupeou Revolution*. Baton Rouge, Louisiana. P. 128.

Самой важной проблемой было налогообложение. Абсолютная власть английского короля не предполагала права присваивать собственность подданных. Для этого ему требовалось их согласие, точно так же как и королю французскому. Теоретически постоянная талья возрастала по решению Генеральных штатов 1439 года. Вплоть до революции 1789 года ни один новый налог не мог вводиться без согласия парламентов и штатов в тех провинциях, где они сохранились.¹ Историки машинально упоминают о праве французских монархов повышать налоги без процедуры вотирования,² но при более тщательном анализе тексты авторов, традиционно считающихся авторитетными, не подтверждают этой точки зрения. Боден вовсе не оправдывал невоতিরванные налоги, он их осуждал. Он был твердо уверен, что право собственности неподвластно воле государя. Поэтому обычно историки объявляют, что здесь Боден допускает противоречие. Отнюдь нет. Эта мысль лежит в основе того различия, которое он проводил между монархией и деспотией. Подданные, которых можно лишить собственности, — не подданные, а рабы. Государи, способные пойти на это, — не монархи, а воры.

В XVII веке отдельные авторы исказили мысль Бодена, предположив, что вмешательство в имущественные права подданных возможно, однако ни один из них не был официальным выразителем позиции короля. А Боссюэ им был. Будучи наставником внука Людовика XIV и постоянным проповедником в королевской капелле, он стал оракулом «абсолютизма». В том, как он защищал права отдельного человека, не было двусмысленностей или противоречий с основными законами страны, которые не допускали вольностей относительно аксиом королевской власти. Королевский домен не подлежал отчуждению, а порядок престолонаследия — изменению. Божественному и естественному праву (общим соответственно для христиан и для всего человечества) следует повиноваться. Личность и собственность каждого человека следует уважать.³ Всякое наложенное на них ограничение было проявлением произвольного деспотизма, который Боссюэ яростно обличал.

Он выделял четыре характеристики деспотии, этой зловещей трансформировавшейся монархии. «Во-первых, подданные рождаются рабами, настоящими сервами, и среди них нет свободных людей. Во-вторых, никто не владеет собственностью: все принадлежит государю. В-третьих, правитель имеет право распоряжаться по своей воле жизнями и имуществом своих подданных, как принято поступать с рабами. Наконец, нет иного закона,

¹ Behrens C. B. A. 1962. Nobles, Privileges and Taxes in France at the end of the *Ancien Régime* // *Economic History Review*, xv. P. 462.

² Koenigsberger H. G. 1987. *Early Modern Europe 1500–1789*. Longman. P. 182.

³ Bluche F. 1990. *Louis XIV*. Basil Blackwell. P. 128–129.

кроме его воли». Здесь так называемый протагонист «абсолютизма» странным образом обнаруживает близость к идеям Локка. Поборник «ограниченной» монархии метал грома и молнии в правителя, наделенного «абсолютной, самовластной и неограниченной властью над жизнями, свободой и собственностью своих подданных, такой, что он может забирать или изымать их владения, продавать, кастрировать или использовать их самих так, как пожелает: они все его рабы, а он — господин и собственник любой вещи; его ничем не связанная воля служит им законом». Разница заключается в том, что Локк создал семантическую традицию, в которой произвол и абсолютная власть отождествляются в понятии тирании: Боссюэ остается верен старой европейской традиции их строгого разграничения. Самовластное правление было благоприятным периодом для уничтожения прав населения. Абсолютная власть, которая вовсе им не угрожала, была призвана защищать их. Если даже из уст его главного проповедника мы не слышим вдохновенного воззвания к «абсолютизму» в обычном понимании, то вряд ли стоит обращаться к кому-либо еще.¹

Таким образом, права подданных, индивидуальные и корпоративные, признавались так называемой «абсолютной» французской монархией. Верно и то, что теория так называемой «ограниченной» монархии в Англии акцентировала абсолютную власть короны. При Тюдорах и Стюартах королевские prerogatives, как правило, назывались «абсолютными» потому, что они не контролировались и не ограничивались никакой другой властью. В 1565 году сэр Томас Смит перечислил те области, в которых монарх «осуществлял абсолютную власть». В их число вошли право объявлять войну и заключать мир, назначать советников и должностных лиц, чеканить монету и объявлять о помиловании. По словам спикера палаты общин (1571), королева имела абсолютную власть в религиозных делах: это заявление всего лишь подтверждало осуществленную Реформационным парламентом передачу супрематии над церковью королю, а не парламенту. Этот перечень повторил судья Флеминг в ходе дела Бэйта. Он не был единственным, поскольку, например, Кок мог превозносить общее право и при этом говорить о королевской «бесспорной prerogative, такой, как объявление войны и мира». В дискуссии об импозициях 1610 года Уайтлок утверждал: «Король обладает двоякой властью: одной — в парламенте, поскольку он присутствует там с согласия всего государства; другой — вне парламента, поскольку он один и единственный, руководствуется исключительно своим желанием». Первая подразумевает право издавать законы, в то время как вторая означает наличие королевских prerogatives в делах чеканки мо-

¹ Le Brun (ed.). 1967. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*. Droz. P. 292–293; Laslett P. (ed.). 1965. *Two Treatises of Government*. Mentor. P. 182.

неты и объявления войны: это наглядно демонстрирует, что Уайтлок говорит о той же «абсолютной» власти, что и Смит и Флеминг, только не употребляет этого слова. В 1641 году Страффорд на своем процессе характеризовал королевские prerogatives в тех же выражениях, что и Пим, его обвинитель. Они спорили только о том, совершались ли злоупотребления этими prerogatives.

Так достигли ли подданные монархов из династий Тюдоров и Стюартов согласия по вопросу о границах королевской власти? Согласно недавно опубликованному авторитетному исследованию Соммервилла — нет. Он полагает, что спор касался того предела, до которого вмешательство короны в права подданных было законным. Он обнаруживает группу «абсолютистов», преимущественно среди клириков. Они были согласны с утверждением, что права и свободы гарантировались законом, король творил право и, следовательно, находился над законом. В чрезвычайных ситуациях монарх мог им пренебречь и ограничить права подданных. По сути, это было повторением классической вигской оценки причин Великого мятежа. Карл I и Яков II были слишком увлечены «абсолютистскими» идеями преимущественно французского происхождения. Они заплатились за попытку навязать умам политически развитых англичан и шотландцев идеологию, предназначенную для простодушных жителей континента.¹ При этом настоящая проблема осталась вне поля зрения Соммервилла. Апологеты так называемых «абсолютных» монархов, правивших на континенте, отрекались от «абсолютистских» идей, циркулировавших в стюартовской Англии.

Историки знают Боссюэ скорее понаслышке, а не на основе личного опыта. После внимательного прочтения его сочинений приходит глубокое разочарование в той концепции «абсолютизма», которую ищет Соммервилл. Английские «абсолютисты» предоставляли права и свободы подданных в распоряжение монарха и допускали их сокращение. Боссюэ ставит права и свободы выше воли государя и запрещает их умаление. Как было показано выше, в этом и заключается разница между абсолютной монархией и деспотией. В других местах Боссюэ стремится продемонстрировать, что монарх не является ничьим подданным; следовательно, никто не может оспаривать его решения. «Государь ни перед кем не отчитывается за свои приказы... Когда государь вынес решение, никакое другое не действует... Никакая иная власть не может угрожать власти государя». Значение, в котором его власть абсолютна, тщательно оговаривается. Она «абсолютна относительно свободы его действий: не существует силы, способной принудить суверена, который в этом смысле независим от всякой человеческой

¹ Sommerville J. P. 1986. *Politics and Ideology in England 1603–1640*. Longman. P. 46–47.

власти». К несчастью для заданной современными историками теории «абсолютизма», Боссюэ также определяет и значение, в котором власть не абсолютна. «Однако из этого не следует, будто такое правление самовластно, поскольку, не считая того, что все подчинено воле Божией, существуют законы государств, и все, что противоречит им, недействительно с точки зрения права». «Абсолютисты» в изображении Соммервилла ставят монарха выше закона. Монарх Боссюэ, несомненно, действию закона подчинен.

Концепция монархии, абсолютной в ограниченных рамках, продолжала оставаться неизменной и в XVIII столетии. Подборка цитат пояснит ее суть.

«В применении законных prerogatives монарх является и должен являться абсолютным; абсолютным потому, что не существует законной силы, останавливающей его или препятствующей ему».

«Выше его никто не стоит, он ни от кого не зависит, с ним никто не может сравниться».

«Следовательно, в персоне короля, как в центре, фокусируется блеск всех его подданных, и возникшие в результате этого союза надежность, величие и могущество заставляют иноземных властителей бояться и уважать его; кто станет колебаться, перед тем как вступить в соглашение, которое впоследствии будет рассмотрено и ратифицировано народным собранием?»

Дело в том, что здесь мы цитируем отнюдь не теоретика французского «абсолютизма». Это пишет Блэкстоун, главный авторитет по английской конституции XVIII века.¹

Когда шок проходит, то становится ясно: Боссюэ и Блэкстоун говорят об одном и том же, о той власти короля в политических вопросах, для которой не существует законных препятствий. Блэкстоун описывает ее, пользуясь теми же понятиями, что и сэр Томас Смит. С XVI по XVIII столетие такое представление о королевской власти было в равной степени характерно для теоретиков и английской и французской монархии. Современное руководство к изучению королевской власти в эпоху *ancien régime* в точности воспроизводит слова Блэкстоуна: «Французские короли были абсолютными монархами: это означало, что ни отдельные люди, ни социальные группы или учреждения не могли препятствовать осуществлению их полномочий... Они не были подотчетны перед подданными за то, как они правят».² По-видимому, автор полагает, что он определяет разницу между французской и английской монархией, тогда как на самом деле он выявляет их сходство.

¹ Blackstone W. 1765. Commentaries on the Laws of England. Oxford University Press. P. 284, 292–294.

² Shennan J. H. 1983. *France before the Revolution*. Methuen. P. 2.